

ЗНАКОВО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ГРАФФИТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

КИСЕЛЕВ Сергей Васильевич - соискатель кафедры социологии Северо-Кавказской академии государственной службы.

Граффити как явление знаково-текстовой культуры (надписи, символика и иная информация анонимного происхождения и неформально-публичного творческого самовыражения) выступает самостоятельным источником данных, репрезентирующих те или иные социальные феномены. Само происхождение термина, означающего (от итал. graffiti, graffito - нацарапанный, начерченный) "древние надписи, главным образом бытового характера, рисунки, нацарапанные на стенах домов, на стенках сосудов и т.п." [1, с. 221], связывается с работами итальянских ученых при исследовании надписей на раскопках города Помпеи в 1779 г. Исследования на местном эпиграфическом материале показали в том числе, как "помпеянские настенные надписи, шокирующие своим откровенным неприличием и чудовищной орфографией, ярко характеризуют культурный и нравственный уровень их авторов" [2, с. 8]. Это указывает на соотнесенность явления граффити одновременно со специфическими формами знаковых сообщений в контексте культурно-исторического развития и с универсалиями массовых стереотипов социально-бытового характера.

Научное значение исследования данного источника культурологической информации сохраняется при современной социально-исторической реконструкции архаики [см.: 3]. Не ставя перед собой задачу обсуждения методологии семантического анализа применительно к содержанию сообщений граффити в русле классических подходов Ч.У. Морриса [см.: 4, с. 39], ограничимся локальными задачами прикладного эмпирического анализа, связанными с попыткой социально-психологического портретирования авторских мотивов граффити-сообщений. К основным подходам в исследовании данной проблемы следует отнести работы Р. Сэннетта, Н. Глэзера [5], определивших направленность изучения социально-психологической обусловленности постмодернистской коммуникации граффити. Однако соотнесенность их современного смысла с культурологическим и философским контекстом различных общественно-исторических систем трудно оценить без дискурсивно-структуралистского анализа знаковых систем архаичных обществ, разработанных К. Леви-Стросом [см.: 8, 9].

Источником изучения феномена граффити в одном из средних российских мегаполисов - г. Ростове-на-Дону - стала текстовая и визуальная информация, полученная по результатам фиксации текстовых и знаковых изображений во внешнем и внутреннем пространстве жилых многоквартирных домов (всего 11) в двух микрорайонах города, представляющих центральный и "спальный" сектора (соответственно Кировский и Советский районы). В практическом плане целью исследования являлось выявление семантического содержания, субъектов и мотивации информационных сообщений, в том числе для оценки содержания возможных деструктивных действий материального характера (порчи общественного имущества, оскорбительных высказываний или других актов публичной репрезентации граффити сообщений) (далее ГС).

Основной характеристикой данного феномена является публично-демонстрационный характер представления текстовых надписей и символика. Обычными объектами граффити становятся здания городской инфраструктуры: жилые комплексы (стены, подъезды домов), заборы, рекламные щиты, афиши, плакаты, места общего пользования (туалеты, подземные переходы), общественный транспорт и прочие публичные места, одновременно доступные для широкой демонстрации и обеспечивающие анонимную защищенность авторов ГС.

Классификация граффити по некоторым внешним и внутренним параметрам (месту производства и распространения, смысловому содержанию, адресатам назначения, художественно-эстетическому оформлению, семантическому кодированию) репрезентирует особую соци-

альную группу создателей и проводников данного творческого продукта, которую составляют преимущественно представители молодежной среды, причем наиболее ранневозрастной части.

По содержанию (смысловому контексту) текстовые сообщения могут быть сгруппированы в соответствии с общим тематическим признаком в следующие основные сферы внимания ГС: 1) любовно-эротические переживания; 2) скабрзности и вульгаризмы; 3) имена и другие фетишные атрибуты объектов идейно-эстетических пристрастий; 4) бытовые, националистические и иные конфронтации с объектами неприязни; 5) иррациональные экспрессивно-речевые обороты и знаковые фиксации абстрактного содержания.

Данное жанровое распределение ГС имеет различную интенсивность выражения в рамках условной тематической идентичности. Обобщение статического распределения частоты употребления текстовых выражений и/или знаковых образов различной направленности (каждое из них воспринимается как относительно обособленное, имеющее законченно-смысловое и пространственно ограниченное от других семантических единиц положение) показывает следующую расстановку приоритетной рубрикации ГС (в порядке снижения значимости):

- бранные выражения типа "Лох", "[имя] лох", "[имя] дура" и другие варианты идиоматических структур;

- вещи, предметы, изображения людей абстрактного смысла - рисунки стиля "детский примитивизм", различные аббревиатуры маркировки (типа НАКО, МК 3, NEC, NBV и др.), англоязычные слова различного лексикона (King, WEB, WEBMASTER и др.), обособленные русскоязычные слова (ЛЮК, ЦЕНТР, ХА-ХА);

- поклонники (преимущественно музыкальные фанаты): российских групп "Кино" (группа КИНО), "Каста" (just do it, Каста) и др., исполнителей в ореоле мучеников (В. Цой не умер, он вышел покурить; И. Тальков - воплощение народного страдания), западных рок-исполнителей (METALLICA, PRODIGY), различных музыкальных стилей (Hip-Hop; Rap Music, D.J., D.J. Грив и др.);

- переживающие состоявшуюся и нереализованную любовь: Я люблю [имя], [имя], I love you, [имя] + [имя] = любовь, бабы суки; любви нет, потому, что все издеваются друг над другом и др. часто в сопровождении знаков амурной символики (сердце, сердце, пронзенное стрелой).

- имена людей и обращения (16) – употребляются имена в обычной транскрипции, иногда в искусственные конструкции типа: КошМарина, Туся;

- эротоманы - выражения и изображения, относящиеся к анатомическим и физиологическим процессам коитуса (в русской и англоязычной версиях текста: Я тебя хочу; Fuck off);

- выражения свободных ассоциаций с элементами молодежного сленга: кайф, отстой, кислотно, мы люди гашиша, тут был я;

- атрибутика нацизма, фашизма - доминируют изображения свастики и надписи: Skin Head; Лох [изображение свастики], нацизм, охота на негров открыта, мы построим новый рай.

Таким образом, усредненный ростовский психотип авторов ГС выражает доминирующие в его сводном портрете тенденции завуалированных стремлений к самоутверждению (вербальная маргинализация "продвинутых" над "лохами-простаками"), рок-музыкальной экспрессии, сексуальной сублимации и территориально-именной маркировки своего присутствия и кодированной самотрансляции образов. В меньшей, чем это можно было ожидать, степени в этом психотипе выражена склонность к радикально-агрессивным действиям и эстетизации фашистско-нацистской символики, воинственным призывам фанатов, романтизации псевдоуголовной атрибутики и другим подобным проявлениям. Не случайно, что местная региональная пресса не выделяет при обращении к теме граффити экстремистских элементов их содержания, сосредотачиваясь на наиболее привлекающих ее внимание выражениях любовно-эротических фантазий и взаимоотношений внутри молодежной среды [см.: 10, 11].

По совокупности доминирующих сфер интерпретации ГС возникает образ инфанта, чувствительного к эмоциональным впечатлениям экстатического характера (в транслируемой связи с рок-кумирами, ди-джей тусовкой, партнерами интимных отношений), стремящегося к обособлению от других социальных типов собственным кодированным языком обозначения своего присутствия и пространственной метки территории. Открытый характер его заявлений призван усилить глубину переживаний и вибраций транслируемой информации для осуществления обратной связи с объектами - генераторами ощущений. Возникающее несоответствие между агрессивным восприятием и страхом обывателя перед метками граффити и их индифферентностью к эстетике насилия, как это видно в ростовской репрезентации ГС, требует понимания первичных мотивов данных посылов, интерпретируемых Н. Глэзером

"как письмо деклассированных слоев: мы существуем и мы повсюду. Более того: вы, другие, - ничто; мы пишем прямо на вас" [5].

Наличие указанных устремлений ГС, конечно, не интегрирует целостность их обобщенных характеристик, а лишь выделяет некие ценностные ориентации индивидуумов, близких по свободе и интимности (конфиденциальности) их самовыражения психоаналитическим репрезентациям невротических комплексов личности. Они могут дифференцироваться также в контексте различной социокультурной среды, различающей более агрессивную направленность японских граффити, политико-интеллектуальный подтекст их парижских аналогов и актуализацию авторской самоидентичности нью-йоркских анонимных творцов [см.: 6].

Раскрытие содержания ростовских граффити указывает на сублимированную эмоциональную связь значимых (интимно резонирующих) для авторов сообщений с необходимостью их публичного саморазоблачения в анонимной (уходящей от личной ответственности) форме воспроизводства табуированных мыслей, слов, знаков, символически замещающих участие и изменение реальной жизни прототипами сакральных образов "графффити". Виртуальное пространство ГС близко по структурному содержанию символике мифологической проекции образов и рефлексии окружающего мира, сочетающего его кодированную интерпретацию и экстатически-ритуальное изображение. К. Леви-Строс, проводя различие между действительным и ритуальным актом изменения внешнего мира, рассматривает субъекта таких отношений либо как разделенного с системой агента изменения этой системы, либо в единстве его внутрисистемной связи, которая для производителя магической операции "представляет такую необходимость, как и цепочка естественных причин, куда, как полагает действительный, он лишь вводит дополнительные звенья в виде ритуалов" [8, с. 287]. В этом отношении ГС суть проявления ритуалов, выражающих через свой мета-язык иррациональные влечения, вводимые в общее информационное поле через сакральное приобщение к предмету психоаналитических реминисценций. Экстатичность их содержания, имеющего, как установил К. Леви-Строс, общие черты невротиков и носителей мифомышления (от символической кодировки до сходства биохимического состава), определяется тем, что "и в том и другом случае нужно индуцировать определенные органические изменения, сущностью которых является преобразование структуры" [9, с. 209].

Осознание в молодежной субкультуре граффити элементов мифомышления позволит избежать крайностей его негативного восприятия и ужесточения репрессивного ответа в борьбе с "вандализмом в подъездах жилых домов", ставшего "головной болью" [12] работников коммунальных служб. Непонимание и игнорирование мотивов молодежных выступлений данного типа, выражающих процесс магической инсталляции переживания образов их отчуждения от внешнего мира и виртуальной идентификации кодируемых ценностных маркеров, приводит к протестной радикализации и социальному эпатажу "поколения next". Терпимость к восприятию посланий иной, в данном случае молодежной субкультуры, пытающейся пробиться во взрослый мир неукротимостью переживаемой и материализуемой в граффити психоэмоциональной экспрессии (выраженной, по наблюдению К. Леви-Строса, в поэтической модели "интуиции Артура Рембо [когда] с помощью метафоры можно изменить мир" [9, с. 210]), позволит понизить градус экзистенциального напряжения и поколенческой изоляции в условиях социальной дифференциации и масс-культурного неоглобализма постмодернистской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л.П. Современный толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005.
2. Федорова Е.В. Латинские надписи. М.: Изд-во Московского университета, 1969.
3. Бабинов Ю.А., Курганова С.И., Николаенко Г.М., Соломоник Э.И., Лисовой И.А., Шевченко А.В. Граффити античного Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1978.
4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. [Сборник статей]. М.: Радуга, 1983. с. 39.
5. Glaser N. On Subway Graffiti in New York//Publik Interet, Winter 1979. <http://www.graffiti.narod.ru/text_01.htm
6. Лобода В. Неприличное слово из трех букв на заборе - тоже искусство? <http://www.graffitti.narod.ru/text_03.htm
7. Sennett R. The Consience of the Eye. W.W. Norton&Company, New York - London, 1990. <http://www.graffitti.narod.ru/text_01.htm
8. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика. 1999.
9. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
10. Ладыченко Е. Когда любовь рождается внутри, то обязательно рвется наружу // Вечерний Ростов. 2002. 8 апреля. (№ 76).
11. Розанов М. Подлинное искусство // КВУ г. Шахты. 2002. 7-14 марта. (№ 10).
12. Тучкова А. Трудотерапия для вандала // Независимая газета. 2002. 6 марта.